

ную роль — скаутовъ-развѣдчиковъ, которые нащупываютъ — не врага, а друга. Въ этихъ встрѣчахъ не бесѣдамъ, пожалуй, принадлежитъ главное значеніе, значеніе рѣшающаго опыта, а совмѣстной молитвѣ.

Мы дважды въ день встрѣчались съ англичанами въ часовнѣ на молитвѣ, слушали по очереди православную и англиканскую литургію и вечерню. И этотъ опытъ далъ чрезвычайно много — для обѣихъ сторонъ. Мы могли видѣть и оцѣнить ихъ удивительное благоговѣніе, сдержанную напряженность молитвы, сосредоточенность молитвеннаго молчанія, прекрасную простоту проповѣди. Ихъ общее причащеніе за каждой литургіей, въ торжественномъ безмолвіи, производило потрясающее впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе производила на нихъ наша литургія, за которой они слѣдили по английскому тексту переводовъ. Наше взаимное участіе въ молитвахъ было полнымъ, останавливаясь мучительно лишь у евхаристической чаши. Здѣсь начиналась боль раздѣленія, о трагедіи котораго такъ изумительно говорилъ о. Эндрхилль въ своей послѣдней рѣчи, у многихъ вызвавшей слезы.

И мы можемъ засвидѣтельствовать: это новое для насъ англійское благочестіе не ограничено стѣнами храма. Мы общались съ этими юношами почти недѣлю и мы видѣли, какой жертвенной готовностью они горятъ. Среди нихъ есть послушники, которые примутъ вскорѣ монашескіе обѣты, есть миссіонеры изъ Индіи, ведущіе жизнь полную лишеній и трудовъ. Въ этихъ трудахъ и молитвахъ, въ этомъ духовномъ горѣніи, цѣломудренно затушеванномъ милымъ англійскимъ юморомъ, для насъ пріоткрылась новая святость, которая уже созрѣваетъ до вмѣщенія въ соборную полноту православія.

Въ перерывѣ между конференціями дѣло сближенія между русскимъ — православнымъ и англиканскимъ студенчествомъ ведетъ «Содружество имени св. муч. Албанія и преп. Сергія Радонежскаго». (Имъ издается и полурукописный журналъ на англійскомъ языкѣ). Велика задача, велика и отвѣтственность, которая ложится на содружество. Пожелаемъ же ему оказаться въ ровень съ огромной церковно-исторической задачей, выпавшей на его долю.

Г. Федотовъ.

НАША ЖИЗНЬ.

ОЧЕРКИ ИДЕОЛОГИИ РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

1.

За послѣднее время я не разъ слышалъ мнѣніе, что Движеніе равнодушно къ идеологическимъ проблемамъ, что оно духовно узко и односторонне. Я не склоненъ защищать Движеніе отъ всѣхъ упрековъ, которые высказываются по его ад-

ресу, но указанное мнѣніе о Движеніи представляется мнѣ совершенно невѣрнымъ и необоснованнымъ. Вѣрно то, что идеологическая позиція Движенія остается до сихъ поръ не до конца формулированной, а кое въ чемъ и внутренне незаконченной. Но не слѣдуетъ забывать, что преждевременное и поспѣшное формулированіе того, что только зрѣетъ, только рождается въ нѣдрахъ самой жизни, всегда опасно — объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ судьбы различныхъ

русскихъ идеологическихъ теченій послѣд-
няго времени. Между тѣмъ, Движеніе ха-
рактеризуется глубокимъ чувствомъ **най-
денности почвы**, найденности основопола-
гающаго принципа, который долженъ об-
разовать исходный пунктъ въ построеніи
идеологіи. Какъ ни медленно протекаетъ
процессъ формироваія и уясненія пути
Движенія, онъ все же идетъ неуклонно
впередъ, хотя часто тревожитъ и безпо-
коитъ своей медленностью. Чрезвычайно
поучительна въ этомъ смыслѣ судьба од-
ной идеи, въ свое время горячо и даже
страстно принятой Движеніемъ, но факти-
чески имъ неосуществленной и не оказав-
шей вліянія на жизнь Движенія. Я говорю
объ идеѣ братства, какъ высшей формы
въ Движеніи: эта идея была принята на
Хоповскомъ съѣздѣ (1925 г.) очень
искренно единодушно, но съ того време-
ни въ Движеніи, попрежнему, существуетъ
всего только одно братство (во имя св.
Троицы), возникшее еще до Хоповскаго
съѣзда. Этотъ фактъ очень поучителенъ,
онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что для
Движенія вовсе не характерны идеи, какъ
таковыя, а лишь идеи, претворенныя въ
жизнь. Если бы кто нибудь, характеризуя
Движеніе, воспользовался для этого рѣ-
шеніемъ Хоповскаго съѣзда, онъ сдѣлалъ
бы большую ошибку: идея братства, прин-
ципіально безспорная для Движенія, вовсе
не характерна для него. То, что принци-
піально принимается и исповѣдуется, но
не проводится въ жизнь, не можетъ быть
признано существеннымъ для Движенія.
Не въ этомъ ли причина того, что называ-
ютъ «идеологической узостью» Движе-
нія? Вѣдь другія теченія русской жизни
заняты лишь выявленіемъ и уясненіемъ
своихъ идеологическихъ позицій, и ни-
кому въ голову не приходитъ справлять-
ся, проводятся ли въ жизнь этими тече-
ніями ихъ идеи? Это было бы наивно и
странно, ибо они суть только идеологи-

ческія теченія, тогда какъ Движеніе пре-
жде всего, опредѣляется своимъ религіоз-
нымъ устремленіемъ, въ составъ котора-
го, конечно, входитъ и идеологическая
сторона, но непременно входитъ и жиз-
ненное воплощеніе идей. Сама природа
Движенія, какъ религіознаго теченія, вы-
двигаетъ передъ нимъ не тѣ задачи, ка-
кія могутъ ставить себѣ другія теченія:
для Движенія было бы не только опасно,
но, можетъ быть, просто убійственно,
если бы процессъ формироваія и уясне-
нія его идеологіи пріобрѣлъ неза-
висимость, оторвался бы отъ жизни Дви-
женія. Но именно въ силу этого то, что
можетъ быть со стороны призвано сла-
бостью Движенія, представляется мнѣ
особенно цѣнной и надежной его чертой
— а именно неотрываемость его идей отъ
его жизни. Путь Движенія идетъ въ сто-
рону идейнаго приложенія началъ хри-
стіанства къ пониманію и освѣщенію
современности, но онъ въ то же время
требуетъ и труда въ реальномъ вопло-
щеніи найденныхъ принциповъ въ жизни.
Неразрывность теоретической и практи-
ческой жизни Движенія лишаетъ его той
свободы, того полета мысли, которая
сообщаетъ чисто идейнымъ теченіямъ ихъ
четкость и опредѣленность, — но зато
она придаетъ Движенію ту жизненность,
которая предохраняетъ его отъ отвлечен-
наго радикализма и безотвѣтственной
фантастики.

Я не хотѣлъ бы, впрочемъ, отрицать
извѣстной идеологической «вялости» въ
Движеніи, но она связана, какъ мнѣ ка-
жется, съ особенностями современной
молодежи, которая, пройдя рядъ тяже-
лѣйшихъ испытаній, оказалась и мало
просвѣщенной, и лишенной непосред-
ственной связи съ предыдущими тече-
ніями въ русской культурѣ, и нѣсколько
болѣе «практичной» и реалистичной,
чѣмъ что бывало раньше. Въ идейной без-

заботности, въ равнодушїи къ идеямъ было бы грѣшно обвинить современную молодежь. Кто знаетъ ее вблизи, кто подходилъ къ ней вплотную, тотъ долженъ признать, что современная молодежь глубоко носить въ себѣ всѣ проблемы времени, мучится ими и ищетъ выхода для себя. Но въ то же время современная молодежь **глубочайшимъ образомъ боится всякой риторики.** Это есть новая и драгоценная черта — она означаетъ новую, давно уже незнакомую исторїи духовную цѣлостность. Такъ наз. «чистой» преданности идеямъ, какъ идеямъ, дѣйствительно мало у современной молодежи — и тутъ нѣтъ ни заслуги, ни вины ея — это просто вліяніе времени. Наша молодежь не хочетъ знать отрѣшенныхъ, «чистыхъ» идей, но хочетъ живой связанности ихъ съ самой жизнью, хочетъ ихъ примѣненїя къ жизни. Оттого она менѣе интеллектуальна, чѣмъ молодежь предыдущихъ поколѣній, интеллектуально сравнительно бѣдна, узка, но зато она духовно цѣльнѣе, крѣпче, прямѣе. Всѣ эти черты молодежи, конечно, очень рѣзко выражены и въ Движенїи, и это нужно имѣть въ виду, чтобы дать справедливую оцѣнку тому, что въ немъ дѣлается.

Я хотѣлъ бы въ нѣсколькихъ очеркахъ охарактеризовать идеологію Движенїя, какъ она рисуется мнѣ, какъ я самъ ее слагаю для себя, когда думаю о Движенїи. Я не собираюсь высказывать всѣхъ своихъ мыслей о Движенїи, это здѣсь не мѣсто, но хотѣлъ бы въ связной формѣ очертить идеологію Движенїя. Вѣсьма вѣроятно, что я заслужу упрекъ въ субъективности, но въ такомъ случаѣ добавленїя и возраженїя внесутъ необходимый коррективъ въ мои очерки.

2.

Движеніе объединяетъ вѣрующую во Христа и Его Церковь молодежь для сов-

мѣстной работы на пользу Церкви. Эта формула, принятая давно однимъ изъ сѣздовъ Движенїя, совершенно ясно и опредѣленно рисуетъ путь Движенїя. Не будучи церковной организаціей, канонически входящей въ церковный организмъ, Движеніе является объединенїемъ **мірянъ** (хотя и имѣетъ въ своемъ составѣ и духовенство). Это не означаетъ никакой отдѣленности Движенїя отъ церковной власти, но отвергаетъ въ то же время и прямую подчиненность Движенїя этой власти. Вообще говоря, мѣсто Движенїя въ Церкви остается канонически неясно и неопредѣленно; отсюда объясняется тотъ странный фактъ, что, несмотря на официальное признаніе цѣнности Движенїя епархіальнымъ сѣздомъ въ Парижѣ лѣтомъ 1927 г., бываютъ случаи, когда отдѣльные священники относятся къ Движенїю настороженно и подозрительно. Среди церковнаго общества это встрѣчается еще чаще... Движеніе, безспорно, занимаетъ замѣтное мѣсто въ современной церковной жизни, ведетъ самую отвѣтственную для Церкви работу съ младшимъ поколѣнїемъ, пользуется расположенїемъ пастырей и архипастырей Церкви, и постоянно дѣйствуетъ по ихъ благословенїю. А въ то же время оно никакъ не включено въ систему церковныхъ учреждений, является какой-то «иррегулярной» силой Церкви. Многіе члены Движенїя очень скорбно переживаютъ это положенїе, многіе и въ Движенїи и внѣ его испытываютъ глубокія сомнѣнїя въ томъ, отвѣчаетъ ли Движеніе духу и традиціямъ Православія, не является ли оно продуктомъ вліянія протестантизма и т. д. Конечно, послѣднее сомнѣнїе явно неосновательно, разъ Движеніе благословляется пастырями и архипастырями, — а съ тѣхъ поръ, какъ въ Движенїи находится, по назначенїю Митрополита, священникъ, который носитъ официальный титулъ: «Священникъ Движенїя», эти

сомнѣнія совершенно неумѣстны. Одно назначеніе священника Движенія, впрочемъ не уясняетъ каноническихъ взаимоотношеній Движенія и церковной власти, ибо можетъ быть назначенъ особый священникъ для школы, для госпиталя и т. д. Но, Движеніе есть организація, ставящая своей цѣлью служеніе Церкви, и назначеніе въ нее священника канонически нѣсколько оформляетъ Движеніе, хотя нельзя отрицать основного факта канонической неопредѣленности Движенія въ составѣ церковнаго общества.

Не буду входить въ этотъ вопросъ, заслуживающій особаго разсмотрѣнія. Вы скажу лишь свое мнѣніе, что Движеніе, оставаясь вѣрнымъ своему духу и своимъ задачамъ, бессильно пока что-либо измѣнить въ создавшемся положеніи, хотя оно ничего не предпринимаетъ, не испросивъ благословенія своихъ пастырей и архипастырей. На мой взглядъ, лишь сама церковная власть могла бы взять инициативу въ этомъ вопросѣ и найти форму, согласующую внутреннюю свободу Движенія и его широту съ канонической включенностью его въ организмъ Церкви.

Гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ этотъ вопросъ о каноническомъ «мѣстѣ» Движенія, является вопросъ о внутренней вѣрности началамъ Церкви. Здѣсь позиція Движенія съ самаго его возникновенія (говорю, конечно, о зарубежномъ русскомъ Движеніи) имѣетъ ясный и совершенно опредѣленный характеръ: эта позиція можетъ быть охарактеризована, какъ **принятія принципа примата Церкви**. Это значитъ не только то, что Движеніе во всемъ и до конца слѣдуетъ ученію Православной Церкви, ставитъ себя подъ непосредственное руководство священнослужителей, стремится овладѣть по мѣрѣ силъ всей неисчерпаемой сокровищницей, заключенной въ Церкви. Преданность Церкви подлинно и искренно одушевляетъ

Движеніе; глубокой любовью овѣяно все отношеніе членовъ Движенія къ Церкви, и всѣ, кто бывалъ на нашихъ съѣздахъ, посѣщалъ Церковь Движенія въ Парижѣ, должны будутъ признать это. Но въ этомъ еще не раскрывается основной смыслъ указаннаго принципа; онъ, конечно, предполагаетъ индивидуальную и общую подлинную преданность Церкви и искреннюю любовь къ ней. Но въ немъ утверждается не только святость Церкви, не только ея вѣчная правда и спасительная сила ея, **но и ея жизненно творческое значеніе**, ея основное значеніе для построенія жизни. Приматъ Церкви раскрывается въ томъ, что всѣ иныя цѣнности признаются исходящими отъ нея и въ ней находящими и свой смыслъ и свою силу. Прямая и открытая борьба съ тѣмъ началомъ «секуляризаціи», которое характеризуетъ религіозную и культурную жизнь Запада въ послѣдніе вѣка, признаніе ложности всякихъ односторонностей въ отношеніи Церкви къ міру и къ исторіи — таковъ, прежде всего, смыслъ принципа примата Церкви. Въ немъ отвергается тотъ христіанскій спиритуализмъ, который отдѣляетъ правду Церкви отъ правды жизни и исторіи, отдавая ихъ въ полную власть всяческаго натурализма, но въ немъ отвергается и та формальная абсолютизація Церкви, которая ярче всего сказалась въ средневѣковой теократіи и которая не видѣла въ мірѣ, въ натуральномъ порядкѣ ничего свѣтлаго, цѣннаго. Противъ этого отверженія и гнушенія жизнью Православіе всегда выдвигало **идею преображенія жизни** въ духѣ Церкви: это есть та же самая, глубоко христіанская, идея обоженія (теозиса), которая впервые была выдвинута св. Афанасіемъ Великимъ. Въ философской терминологіи эта сторона христіанства можетъ быть выражена, какъ принципиальный **космизмъ**, вѣра въ то, что въ Христѣ не отвергается, а

спасается и преображается міръ. Именно это начало космизма, чуждое и спиритуализму и формальной абсолютизації Церкви, начало, изнутри присущее Православію, глубоко вошло въ Движеніе, опредѣлило его духъ, его путь. Среди молодежи мы часто встрѣчаемъ жажду подвига и аскетическаго устремленія къ «почести вышняго званія»; путь монашества открытъ передъ членами Движенія, и онъ уже увлекъ къ себѣ нѣсколькихъ участниковъ Движенія. Любовь къ монастырю, благоговѣнное поклоненіе ему глубоко и сильно сказалось на третьемъ съѣздѣ Движенія, который имѣлъ мѣсто въ Хоповскомъ монастырѣ (1925 г.) Но въ этомъ глубокомъ чувствѣ любви къ монастырю, въ аскетической жадѣ подвига нѣтъ и тѣни презрѣнія къ міру. Примаць Церкви, признаніе того, что она есть единственная верховная сила и цѣнность, означаетъ, что начало церковности одно можетъ освѣтить и устроить жизнь, все въ ней поставить на мѣсто, все примирить и возвести на высшую ступень. Это признаніе жизненно творческой силы Церкви, обосновывающее идею церковной культуры, иначе говоря — идею оцерковленія культуры, внутренне связываетъ Движеніе и съ лучшими традиціями русской религиозной мысли. Я не думаю, что ошибусь, если скажу, что идея оцерковленія культуры и жизни, непосредственно вытекающая изъ принципа примата Церкви, является второй центральной идеей Движенія, — именно эта идея лежитъ въ основѣ различныхъ исканій Движенія (въ особенности, въ работѣ съ младшимъ поколѣніемъ). Но для правильнаго пониманія того, что значитъ для Движенія идея церковной культуры, необходимо ввести нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія, къ которымъ мы и обратимся въ слѣдующемъ очеркѣ.

В. В. Зѣньковскій.

О внутренней и внѣшней жизни Движенія.

Въ статьяхъ въ «Вѣстникѣ» указывалось на несовершенство и недостатки жизни и работы кружковъ. Одни указывали на чрезмѣрную теоретичность кружковъ и на то, что изученіе умозрительныхъ истинъ Православія препятствуетъ жизненности кружковъ.

Другими словами, отдавали предпочтеніе внѣшней работѣ. Другіе, напротивъ, настаивали на внутренней работѣ по углубленію духовной жизни членовъ. По моему, внутренняя жизнь кружковъ и всего Движенія должна соответствовать цѣли, къ которой стремится Движеніе и всѣ его члены — стать истинными чадами Православной Церкви, пріобщиться къ тому неизсякаемому духовному сокровищу, къ величайшей духовной мудрости, которую стяжала Православная Церковь на своемъ многовѣковомъ пути.

Чтеніе твореній святыхъ Отцевъ и учителей Церкви, изученіе Св. Писанія по ихъ толкованіямъ изученіе житій святыхъ и исторіи Церкви, изученіе и переживаніе догматовъ Православной Церкви, — вотъ путь къ достиженію вышеупомянутой цѣли.

Дѣйствительно, чтобы стать истинными чадами Православной Церкви, нужно не только изучить Богооткровенныя истины Церкви — догматы, нужно не только знать ихъ, нужно ихъ пережить всей своей душой, нужно сжиться съ ними, нужно, чтобы они вошли въ насъ и стали бы для насъ чѣмъ-то живымъ и близкимъ. Для того, чтобы войти въ Церковь, нужно начать жить жизнью Церкви, нужно знать и сжиться со всѣмъ прошлымъ Церкви — съ ея исторіей.

Творенія Св. Отцевъ и Учителей Церкви — это драгоценнѣйшій ковшъ, которымъ можно почерпнуть изъ источника воды живой, текущей въ жизнь вѣчную. Нужно научиться этому. Въ достиженіи